ДОНСКОЙ писатель

№ 1-2 — 2022 г

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области

Дорогая Донская литературная рота!

Сердечно поздравляем Вас со светлыми праздниками Рождества Христова и Новым 2022 годом!

Желаем Вам в дивные дни торжеств, да и в продолжение всего года радости, сердечной отзывчивости, мирного духа, терпения и помощи Божией во всех трудах и свершениях!

Многая и благая лета Вам, вашим родным и близким!

С благодарностью за Вашу отзывчивость и помощь в трудную минуту, с неизменным почтением,

Секретариат Союза писателей России,
Центр Фёдора Ушакова, редакции журналов
«Роман-журнал XXI век» и
«О Русская земля» — ***гл. редактор Марина Ганичева***,
«Новая книга России», православного обозрения
«Русское воскресение» — ***гл. редактор Сергей Котькало***

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ДНЁМ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

В феврале есть особенный день, который близок каждой российской семье. Это 23 февраля — День защитника Отечества.

Это праздник смелых и надёжных мужчин, это возможность быть героем в глазах окружающих, это умение стоять на опасных рубежах, беречь и защищать слабых.

От всей души поздравляем наших коллег-мужчин с Днём защитника Отчества, желаем быть по жизни борцами, уметь добиваться успехов, иметь безупречную выдержку, верить в любовь и верность!

Мы ценим ваше мужество, знаем, что в любой ситуации вы — настоящие мужчины, и гордимся вами!

Счастья вам, мирного неба, крепкой семьи!

С Днём рождения!

Поздравляем наших коллег, членов и кандидатов в члены Союза писателей России, членов Литфонда России, родившихся в январе – феврале под песни ветра и вьюги:

Сергея Александровича Калинина (Сполох) (11.01.1958 г.);

Анатолия Васильевича Рощупкина (14.01.1949 г.);

Петра Тарасовича Никитина (23.01.1929 г.);

Диану Сергеевну Панахалиеву (29.01.1998 г.);

Дмитрия Геннадьевича Паас (02.02.1980 г.);

Ирину Александровну Дьяченко (04.02.1966 г/);

Алексея Ивановича Сазонова (04.02.1965 г.);

Анну Ивановну Ковалёву (06.02.1945 г.);

Елизавету Романовну Гончарову (06.02.1996 г.);

Маргариту Александровну Григорьеву (08.02.1975 г.);

Михаила Александровича Кострикина (09.02.1970 г.);

Людмилу Николаевну Андрееву (16.02.1976 г.);

Наталью Сергеевну Еженкову (21.02.1977 г.) — **с 45-летием!**

Анжелику Дмитриевну Шульженко (Салтанову) (23.02.1993 г.);

Алексея Ивановича Глазунова (28.02.1955 г.);

Желаем благих вестей, мира и здоровья, творческих успехов, исполнения желаний в 2022 году!

Анна Ковалёва

Рождество Христово

Небо золотисто-голубое,
мирное дыхание холмов
и деревьев,
в солнечном покое
дремлющих у городских
домов...
Колокольных звонов
переливы,
золотые яблоки в ветвях
ёлок,
торжествующе-красивых,
в залах, парках и на площадях!
Трепет и биение сердечек
детских от простого
волшебства
праздничных подарков...
Счастье встречи
с радостью Христова
Рождества!

Елена Дручинина

Рождественский снег

Январь… На Рождество
Снег манною небесной
Укроет темноту
Невысказанных фраз.
И Божье волшебство
Причастьем бестелесным
Заполнит пустоту
Моих уставших глаз…

Снег тих и невесом.
И лёгок, и воздушен…
Как транс и ворожба,
Как шёпот и стихи.
Как дивный белый сон,
Виденьями завьюжен,
Как к Господу мольба
За прошлые грехи…

И тщетность всяких слов,
Их вязкость, бесполезность,
Глубокой тишины
И снежности полёт…
Как неба вечный зов –
Блаженная безбрежность
Холодной белизны…
А снег идёт, идёт…

Юрий Ремесник

***

Всё дальше от меня война,
И как же я уже немолод...
Я всё познал с тобой, страна –
И безотцовщину, и голод,
Избив и плоть, и душу
в кровь,
Я залечил народным
средством
И недоигранное детство,
И безответную любовь.

Я «горькой» горе окропил
И закусил блокадным хлебом.
Счастливчик, я увидел небо
Сквозь перепонки птичьих
крыл.
Удачник, я увидел мир
Не в перископы и прицелы,
А в окна нашей хаты белой,
Когда под ними цвёл кизил.
Всё дальше от меня тот ад,
Войны кровавой кривотолки,
Но всё летят ещё, летят –
И все в меня – её осколки...

В номере:

С Новым 2022 годом и Рождеством!
Поздравление
Секретариата СП России;
«Рождественские стихи»
С Днём Защитника Отечества!
1 стр.

День памяти В. Фролова
Ольга Губарева «Идущие от сердца»
Стихи В.И. Фролова;
«Незабытые имена».
2 стр.

Отзывы к заметкам А.Г. Берегового
о Нобелевской премии по литературе
Людмила Малюкова;
Владимир Морж.
3 стр.

«Конкурс «Степные всполохи - 6»
2 место в старшей категории
Сергей Скурихин
«Мама, я мыл полы в ракете!»
Рассказ.
4 стр.

«Новые стихи»;
Анатолий Рощупкин
«Ночь на лестничной площадке»
Рассказ.
5 стр.

Зоя Самарская
«Пряники»
Рассказ;
Георгий Абакумов
«Встреча с Шолоховым»
Рассказ;
Юрий Шапошников
«Косогор и Песковатка»
Сказка.
6 стр.

Идущие от сердца

В этом году исполнилось 15 лет, как ушёл из жизни председатель правления Ростовского регионального отделения Союза писателей России Владимир Иосифович Фролов.

Мне довелось встречаться с ним, неоднократно беседовать. Впервые мы увиделись в тот день, когда меня принимали в члены Союза писателей.

— Вот и Оля! — невысокий, седоволосый мужчина вышел мне навстречу из какой-то комнатки под лестницей и сразу забросал вопросами: — Ну, как доехала? Что у вас там в Сальских степях? Сев закончился? Проходи, проходи, сейчас мы тебе чайку нальём. С вареньем!

…Удивительная простота и душевность!

Встречались мы и позже и в здании правления Союза, и в Сальской библиотеке, куда он приезжал для встречи с читателями и по литературным делам.

Общаться с ним всегда было очень интересно. Мягкий, внимательный взгляд, интеллигентность и высокая культура, кажется, идущие из сердца, отличали его, хотя образование у него было самое рабочее.

В.И. Фролов родился 14 февраля 1939 года в станице Нижне-Курмоярской Ростовской области. Сейчас здесь плещется Цимлянское море, поглотившее в своих водах все прилегающие хутора.

За плечами поэта техническое училище, армия, работа на заводе «Ростсельмаш» в должности электрика, наладчика электрооборудования. Здесь же будущий поэт начинает посещать литературный кружок при заводском Дворце культуры.

Первое стихотворение было напечатано в 1961 г. А с 1964 года он активно печатается в коллективных сборниках, центральных и областных газетах и журналах. В 1979 г. в Ростовском издательстве вышла первая книга стихов поэта В. Фролова «Разрыв-трава».

Книги Фролова издавались в Москве и в Ростове. Среди них «Высокие колокола», «Постижение тревог», «Врата Надежды» и др.

С 1982 года Владимир Иосифович работает в правлении Союза — ответственным Секретарём, заместителем председателя отделения, а с 1991 года — председателем правления.

Умер Владимир Иосифович Фролов после тяжёлой болезни 2 января 2007 г.

Ольга Губарева

Стихи В. Фролова

СТЕПЬ

Донская степь – планета на планете!
О ней молва гласит из бездны лет:
«Покуда хватит табака в кисете...
Все будет – степь,
и вновь готовь кисет».
В разгар гульбы веселой – не иначе...
Когда зазывно ахала весна,
Здесь прилегла на миг душа казачья
И разнотравьем буйным поросла
Куда ни глянь – история живая:
Протоки, как Чингизовы следы.
Глухой овраг, как хищный глаз Мамая.
Курган – мошна Ивана Калиты.
Табун ракит – косяк коней гривастых,
И посреди полуденной тиши...
Из-под небес следит за степью ястреб –
Бессмертный дух Степановой души...

***

А лошадь – неподкованной была.
Но сердцем
суть момента понимала,
и снег копытом чутко подминала,
топыря уши,
словно два крыла.
Седок упал на гриву головой.
А голова –
таким огнём пылала,
что вороная крупом обмирала:
ну, как он там? –
живой иль не живой?
И лошадь шла,
презрев и риск и страх.
В очах её
плескалось, словно море,
такое человеческое горе,
что не узреть
в иных людских глазах.
Вершились в мире важные дела.
Шли где-то люди
с песнями на площадь.
И сквозь пургу –
везла больного лошадь,
Хотя и неподкованной была.

***

Акация ль мёдом запахнет.
петух ли взлетит на колок –
душа встрепенётся и ахнет,
припомнив один уголок,
где цветом исходят сирени,
где пойма ликует травой,
где ветер упал на колени
и бьётся в курган головой.

***

Природа щедрою была,
Когда меня лепила:
На все телесные дела
Семь фунтов отпустила.
Да где ж ей было больше взять
Живого матерьяла,
Когда уж двести дней подряд
Сынов своих теряла
В огне войны.
И вот – поди ж!
Мела по всем сусекам,
По крохам собирая жизнь,
Лепила человека,
Чтоб жил он, солнышко любя,
Вращался в круговерти,
Чтоб жил и чувствовал себя
Противовесом смерти.

ГЛУБИНКА

Здесь тишину Россия бережёт.
Здесь ветерок до ветра вызревает.
Здесь по утрам пастушечий рожок –
Такая радость! – стадо созывает.

Неспешная течёт в реке вода –
Глубокая, прозрачная, сквозная.
Здесь если и случается беда,
То не своя, а как бы привозная.

«Глубинка» – это значит глубоко.
Но это так же значит между прочим:
Она от сердца так недалеко –
Губить глубинку –
Смерть себе пророчить!

***

Солнце тёрлось о русское поле,
как телок-сосунок о плетень.
Было столько простора и воли,
что, казалось, не выдюжит день.

В синеве, в закурганном грядущем
так отчетливо виделись мне
запредельные райские кущи,
и остаток пути на земле,

и избыток моей непогодины –
за две жизни его не изжить, –
все, что нежная добрая Родина
Позволяла иметь и любить.

Грянет ночь. И луна омеднённая
на старинный, не старческий лад
зацелует устами влюблёнными
раскулаченный дедовский сад.

Я и сам целовался отчаянно,
И Господь милостиво прощал

Памяти поэта

всё, что с умыслом или нечаянно
юным девам в ночи обещал.

Этих клятв накопилося воз, поди,
хоть поклаже уже не расти;
на остатнем пути моём, Господи,
ты меня ешё разик прости!

***

Отгудели на астрах шмели.
Отгуляли разгульные травы.
Отшумели в груди, отцвели
Прожигательной силы забавы.

И душа проскользила вовне
Золотых роковых многоцветий.
Так зачем ты на этой земле
Пожелания ждешь многолетий?

Оставайся бродягой любви.
Поклоняйся несношенной силе.
Сколько жара пылает в груди!
Пусть все так... Но при чём тут Россия?!

Пролетела вплотную она,
Оставляя пунктир пожеланий,
Изнемогшая в мыслях страна,
Адресат суесловных посланий.

Это что – Божья кара, удел
Или призрак акустики взора?
Я и раньше молиться хотел,
Но Господь не призвал к разговору.

Ты, душа моя, кроткой побудь:
Может, смыслы укажет картинка,
Как весна начинает свой путь
На березовой ветке слезинкой.

Незабытые имена

Прийма Константин Иванович (1912–1991)

Член Союза писателей СССР с 1974 г.

Родился в станице Ахтанизовской Таманского отдела Кубанской области (ныне Темрюкский р-н Краснодарского края) в семье потомственного кубанского казака. В 1939 году окончил литературный факультет Ростовского-на-Дону пединститута.

Служил башенным стрелком в танковой дивизии. Награждён орденом Отечественной войны 1 степени, медалями. После войны работал в различных военных учреждениях. В 1956–1961 годах — собкор «Учительской газеты» по Северному Кавказу.

В 1972 году в Ростове издана монография К. Приймы «Тихий Дон» сражается» о мировом значении творчества М.А. Шолохова. В мае 1973 года Учёный совет Московского областного пединститута им. Н.К. Крупской присудил автору за эту работу учёную степень доктора филологических наук.

Фёдоров Иван Филиппович (1917–1988)

Член Союза писателей СССР с 1962 г.

Родился в городе Днепропетровске (ныне Днепр, Украина).

В 1938 году окончил Ростовский учительский институт. Работал в областной молодёжной газете «Большевистская смена».

В годы Великой Отечественной войны Фёдоров прошёл путь от солдата до офицера, закончил Пензенское миномётное училище. Сражался на Московском, Ленинградском и 1-м Украинском фронтах. Первые стихи Ивана Фёдорова были опубликованы в газетах «Правда», «Комсомольская правда», в дивизионных, армейских и фронтовых газетах.

После окончания войны Иван Фёдоров вернулся в Ростов. Затем последовал переезд в Калининградскую область, там он работал корреспондентом редакции союзной информации ТАСС. В конце 1940-х годов вернулся в Ростовскую область.

В 1965 году окончил Высшие литературные курсы в Москве при Союзе писателей СССР.

Поэзия и проза И.Ф. Фёдорова тесно связаны с Донским краем.

Награды: орден Красной Звезды, медали.

Оганесов Николай Сергеевич (1947–2018)

Член Союза писателей СССР, России с 1983 года.

Родился в г. Ростове-на-Дону. В 1965 г., завершив обучение в вечерней школе рабочей молодёжи, поступил в Ростовский госуниверситет и в 1972 г. получил диплом юриста. Служил в армии, работал секретарём военного трибунала, юрисконсультом, редактором журнала, издательства. Первое произведение Николая Оганесова — повесть «Визит после полуночи» — было опубликовано в 1972 г. Первая книга «Лицо в кадре» вышла в Ростиздате в 1978 г. Затем в Москве и Ростове была издана повесть «Мальчик на качелях» (1980), по мотивам которой на Ленинградском телевидении был создан двухсерийный телеспектакль. Новая повесть «Двое из прошлого» (1983) принесла автору заслуженную известность. Продолжая работать в жанре социально-психологического детектива, Н. Оганесов написал повести и романы, получившие широкую популярность в стране и за рубежом: «Играем в спринт», «Смертник», «Мистификатор» и другие. Произведения Н. Оганесова выходили в Ростове и Москве в издательствах «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Светоч», были переведены на несколько языков и изданы в Китае, Литве, Чехословакии. В последние годы писатель уделял внимание драматургии — писал либретто к спектаклям Ростовского музыкального театра. Николай Оганесов был награждён Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ и дважды стал лауреатом премии журнала «Смена». Ушёл из жизни 8 ноября 2018 года в результате продолжительной болезни.

Черносвитов Владимир Михайлович (1917–1991)

Член Союза писателей СССР с 1962 г.

Родился в городе Петрограде. В 1938 году поступил в военное училище, откуда осенью 1939 года добровольцем ушёл на фронт войны с белофиннами, где получил первое тяжёлое ранение.

В Великую Отечественную войну Черносвитов участвовал в битвах под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Неоднократно награждался боевыми наградами.

В 1948 году Владимир Михайлович был уволен из армии как инвалид Великой Отечественной войны. В 1950 году началась его литературная деятельность. В 1955 году издана первая книга «Мелкое дело», которая стала автору «пропуском» в Литературный институт имени М. Горького.

В 1956 году вышла повесть «Голубая стрела», по которой был поставлен одноименный художественный фильм. Владимир Михайлович — писатель военно-патриотической темы. Его излюбленные герои — люди отважных и опасных профессий: чекисты, моряки, лётчики, пограничники, водолазы.

Материал подготовила Антонина Попова

Возможность высказаться

А почему не А. Ахматова и А. Твардовский?

Людмила Малюкова,
член СПР, профессор, доктор филологических наук, литературный критик

У критической статьи два вектора: обращение к тому, о ком она пишется, и к тем, кто её читает. Словом, в нашем случае Нобелевский комитет и массовая аудитория. Но первый далеко и «Донской писатель» для него всего лишь «имярек», со вторым — сложнее. В центре внимания пять российских лауреатов, последний премирован в 1987 году (И. Бродский), остальные, «мировые имена», лишь названы за минувшие пять лет и представлены формулировки их награждения. Сразу замечу, что «формулировки» следуют из «содержания», которое в подавляющем большинстве читателям неведомо (прошли времена широко читаемых Ремарка, Фолкнера и других корифеев мировой литературы). Но слово автора заявлено, и читатель перед недоумевающим вопросом: «литература или политика?» т.е. идти слепо за автором или попытаться разобраться самому.

В статье меня заинтересовала не сколько позиция автора, столько сам «инструментарий», который он применяет для доказательств своей неоспоримости. Конечно, обращение к давности никому не возбраняется, но при этом повторять давно «проигранное» — нонсенс. Лично у меня такое чувство, что автор смотрит «из окна» 60–70-х годов. С того времени многое изменилось (не стало СССР, отошла компартия, мы стали другими).

Начнём с И. Бродского: «фигура одиозная», «тунеядец», «плохой поэт». Словно прочитываю репортаж из зала ленинградского суда 1964 года, где на вопрос судьи о роде занятий поэт отвечал: «Я поэт, пишу стихи», а в ответ: «Вы — тунеядец, стихи писать не умеете». За подтверждением автор обращается к «большому донскому поэту» (имя сокрыто), за ним — к «блогеру» (но почему бы не к Ахматовой, видевшей в нём «большого поэта» с великим будущим, или известным деятелям культуры, вставшим на защиту поэта: Шостаковичу, Твардовскому, Паустовскому, Ю. Герману, Эткинду и др.?), приводит стихи на английском языке с призывом «попробовать прочитать» их с «выражением» (любопытно: читал ли их сам автор?), ссылается на ТВ передачу, в которой 13-тилетние читают «словесную шелуху с отборным матом» и т.д. Прямо какой-то «кот в мешке». Но вот наконец-то и стихи, однако строки, изъяты из контекста, как образец любви, срифмованной под примитив «стол-стул», которому противостоит великая антитеза Пушкина «Я вас любил». Но кто же сравнится с «Солнцем нашей поэзии»?! Гармония, красота, неповторимость. Между тем, если бы русская поэзия остановилась на Пушкине, давно бы окаменела и не было бы ни гениального «серебряного века», ни последующего развития. Любопытно, как автор отнесётся к таким строкам: «Ни тоски, ни любви, ни печали. /Ни тревоги, ни боли в груди./ Будто целая жизнь за плечами, /И всего полчаса впереди» или «Мой голос торопливый и неясный/ Тебя встревожит горестно напрасно»? Бродский! Помоему, прекрасно. А далее совсем уж «личное» (что здесь политика, а что литература?): и английского языка поэт не знал («когда он успел его выучить»), и, если он «такой талантливый, что же не вступил в Союз Писателей, как Е. Евтушенко», и «шестидесятники» «его не приняли», и отзывался о них «нелояльно». (Словно какой-то «компромат» на неугодную личность). Ну это, автор, вы уж совсем «через край хватили». И языком прекрасно владел: читал лекции студентам университетов США в звании профессора, и разошёлся с «шестидесятниками», поэтами ангажированными, обращенными к общественной тематике, по причине разного видения: уклонения от государственной идеологии. Свою позицию четко выразил в «Письме римскому другу». За что и подвергался гонению. В поэзии открыл целое направление — поэтов «абсентистов», самых «книжных», интеллектуальных. Но это разговор не для столь сжатого отзыва.

Теперь о других: Б. Пастернаке и М. Шолохове. Противопоставление романов «Доктор Живаго», который удостоился премии «за надуманную антисоветчину», и «Тихого Дона», как истинно «художественного», заслуживающего высокого номинала, весьма парадоксально. Если «антисоветчина» — политика, то что же тогда «советчина», как не политика, только обратного порядка? Однако вся структура, несомненно, гениального романа «Тихий Дон» предполагает такой сложный синтез идей «двойного дна», что апологеты разных убеждений каждый считал его своим, сломав в жестокой полемике немало копий. Между тем у этих романов общая основа: революция, гражданская война лишены величия и объективности восприятия — это катастрофа и для народа, и для государства. У них один — трагический эпилог: в романе Б. Пастернака, не выдержав ужасов времени, умирает прекрасный человек, истинно русский интеллигент Юрий Живаго, затерялась в вихрях сумасшедшей эпохи его возлюбленная, изломана судьба их дочери, стреляется, загнанный метелью в уральский «медвежий угол» большевик Антипов-Стрельников. В «Тихом Доне» живут казаки веками установленным порядком: не одинаковой, не простой, но мирной жизнью, не знают голода. Братоубийственная война всё разметала — будто смертельная метла прошлась по Дону, от трудовой дружной семьи Мелеховых остались лишь сестра да Григорий с изломанной душой, над которым встает «черное солнце» — предвестник не менее жестоких событий. Как тут не вспомнить: «Государство существует не для того, чтобы установить рай, а чтобы не было ада» (В. Соловьев). Вероятно, так и воспринял Нобелевский комитет оба эти, казалось, такие непохожие романа. И едва ли «Тихий Дон» нуждается в такой «лобовой» защите моего оппонента: и «сколько раз выдвигали роман, пока не вмешалась общественность» (но ни один раз выдвигали Стейнбека, учёному-ядерщику Л. Ландау вручили лишь на 25 раз в больничной палате), и в день рождения Бродского и Пастернака «вспоминают», а Шолохова недостаточно и пр. Всё это эмоции и нового не добавляют.

Но особенно достаётся А.И. Солженицыну, «пасквильная книга» которого «должна была взорвать СССР и уничтожить советскую литературу», а в результате такого коварства писатель «сам стал ненужным никому и презираем». Ну зачем же так безоглядно расписываться за всех! СССР был «взорван» ни Солженицыным (мог ли это сделать один человек, даже гениальный?), а почти через 20 лет после его изгнания из страны той системой, которая разрушала себя изнутри: в «коммунизм не за горами» уже никто не верил. Что же касается «уничтожения» писателем советской литературы — абсурд на грани фантасмагорического действия. Советская литература не была однозначной, но её «партийные опусы» оказались на обочине истории в силу тех идеалов, которые внушались десятилетиями и в конце концов рухнули. Следовало ли за всем этим «раскручивание» Западом, включая и Нобелевский комитет (впрочем, как с Бродским и Пастернаком)? Несомненно. Но ведь было что и «раскручивать». Сам прецедент вылился за пределы страны: изгнанием писателям создавали биографию. Сегодня произведения А.И. Солженицына внесены в обязательный список изучения в школах и вузах, его произведения экранизируют (только что вышел фильм по повести «Один день Ивана Денисовича»), инсценируют, о нем написаны десятки книг. Книга Л. Сараскиной о «великом гражданине России, бесстрашном и безоглядном летописце» удостоена премии «Большая книга». И это писатель «никому не нужный, презираемый», о котором «никто не скажет, что он писатель»? Как быть тогда с высокими оценками «новомировцев»? (А. Твардовский «буквально влюбленный» в повесть «Один день…» публикует её, подписывает с писателем высокие договора, о романах «В круге первом» и «Раковый корпус» В. Лакшин пишет: «Огромная мощь и жизнеспособность творческого духа», В. Ермилов (ЛГ) «Вещь толстовской силы», над повестью «Матренин двор» А. Ахматова плакала. Конечно, А. Солженицын — личность сложная, требующая глубокого изучения. Сегодня ни один писатель не подвергается столь безоглядным обвинениям, как он: их алогизм зашкаливает. К сожалению, в границах этого выступления нет возможности опровергнуть в подавляющем числе ту нелепость, которая преобладает над здравым смыслом.

Только И. Бунина из эмигрантской среды автор объявляет исключением, заслуживающим по «гамбургскому счету» Нобелевской премии, потому как «мастерство столь велико, что на его политическое реноме не обратили внимания», к тому же был среди эмигрантов «не очень воинственным». Ну, здесь, пожалуй, мы не во всем разойдёмся: величие И. Бунина, как художника, вне сомнений. Однако его отношение к новой России не было безоблачным: дневники «Окаянные дни» — этот откровенный документ эпохи разрушительной революции, читал и знал весь мир (как и целый том статей «Миссия русской эмиграции») и Нобелевскому комитету он, конечно, был известен. Другое дело, что в своё художественное творчество И. Бунин никогда не впускал «политику». Это — художник закатного «серебряного века», у которого свои принципы: в центре их вечные проблемы человеческого бытия (жизнь и смерть, любовь и разлука, течение времени). Об этом писал и наш классик А. Твардовский, который советовал нашим писателям учиться у И. Бунина.

Таков мой ответ оппоненту на его вопрос, «а что думает читатель»: думаю, размышляю и остаюсь с вечными русскими вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?».

Владимир Морж

К статье А.Г. Берегового «Старая тема:

«Нобелевская премия по литературе — это литература или политика?»

То, что творится в Нобелевком комитете по литературе — далеко не новость даже для тех, кто устроил там вакханалию. Делается это вполне сознательно. Очернить Россию — главная цель, а бьют со всех сторон. Чудеса в спорте, политике, отравления, боинги — это всё звенья одной цепи. То, что среди нобелевских лауреатов по литературе числятся Солженицын, Алексиевич, меня не удивляет, а просто смешит. Найти литературу в статейках Алексиевич (про её единственное журналистское расследование «У войны не женское лицо» отчего-то помалкивают). А труды Солженицына — сбор подходящих цели сплетен, часть из которых попало в книгу прямо от пропагандистов США. Думаю, что в следующем году премию по литературе получит Навальный за пламенное последнее слово на уголовном процессе, а ещё через год — Ахеджакова за гениальный мем «Простите нас!»

Не стоит забывать, что мнение о творчестве И.А. Бунина уже в СССР поменялось.

МСЭ (1928): «Антисоветчик, белогвардеец, отщепенец, ренегат, «проникнутый бешеной, болезненной ненавистью к Советской власти, пролетариату и крестьянству».

БСЭ 3-е издание (1970): «Во многом противоречивое творческое наследие Б. обладает большой эстетической и познавательной ценностью. Преемник традиций классической русской литературы, он явился одним из крупных представителей критического реализма в России. Творчество Б. высоко ценится и всесторонне изучается в СССР. Сочинения его широко издаются».

БРЭ (2004): (о «Тёмных аллеях») рассказы о любви, для которых характерны необычайная сжатость сюжета, виртуозная прихотливость композиции, острота в отображении напряжённых душевных переживаний героев.

Вывод: как только пропала советская власть, пропала антисоветчина Бунина, осталось его творчество.

Не то же самое с Бродским? Его творчество до сих пор связывается с «диссидентством», а восхваление наоборот, вызывает понятный протест.

Каковы же претензии современников к творчеству Бродского?

а) Средненький поэт;

б) В телепередаче под названием «Школьники читают стихи Иосифа Бродского» (где школьники читали стихи Бродского с инвективами);

в) Сомнения: Бродский поэт или нет?

г) Он был тунеядцем и это было официально зафиксировано в суде;

д) Он использовал рифмы «стул-кровать», «стол-сам»;

е) Он не писал, как Пушкин.

Попробую ответить по пунктам:

а) Привожу пример:

И восходит в свой номер
на борт по трапу
постоялец, несущий
в кармане граппу,
совершенный никто,
человек в плаще,
потерявший память, отчизну,
сына;
по горбу его плачет
в лесах осина,
если кто-то плачет
о нём вообще...
….....
Там, за нигде, за его пределом
– чёрным, бесцветным,
возможно, белым –
есть какая-то вещь,
предмет.
Может быть, тело.
В эпоху тренья
скорость света есть скорость
зренья;
даже тогда,
когда света нет.
(Лагуна», 1973)

Разве это стихи «среднего поэта»? Киньте в меня камень! Возможно, у него были и слабые стихи, но они прорываются даже у Лермонтова.

б) Телепередача:

Надеюсь, никто всерьёз не обвиняет Бродского, что это он заставил школьников читать неприличные строки? Это — на совести педагога.

Я себе представил, что школьники прочли такое в эфире:

По счастию проворный
Гавриил
Впился ему в то место
роковое
(Излишнее почти во всяком
бое),
В надменный член, которым
бес грешил.

Свет нашей поэзии написал это в 1821 году. Стихи опубликованы. Но в школьную хрестоматию, разумеется, не входят. Другими словами, наш Пушкин и не поэт вовсе, если такое себе позволил? Думаю, что чересчур ретивые защитники Бродского не увидели, для какой целевой аудитории поэт написал те возмутительные в устах школьников строки.

в) Сомнения:

Безусловно, Бродский поэт, поскольку писал стихи. Хороший, плохой поэт — см. п. д).

г) Тунеядец:

Я нашёл несколько подобных тунеядцев. Например, преподаватель иврита Иосиф Бегун. Суд счёл, что преподавание иврита — это тунеядство. А ещё автор «Чонкина» Владимир Войнович. А ещё к тунеядцам причислили Роя Медведева... Кстати, в 1989 году Бродский был реабилитирован, в его действиях отсутствовал состав административного правонарушения.

д) Рифмы:

Вообще-то Бродский успешно использовал верлибр, который не предполагает рифм вообще. Но дело в том, что в оригинале четверостишье (с теми самыми рифмами «стул-кровать», «стол-сам») выглядит так:

Сначала в бездну свалился
стул,
потом – упала кровать,
потом – мой стол.
Я его столкнул
сам. Не хочу скрывать.

Скажу, что даже «стол-стул» это — диссонансная рифма, которые успешно применял, например, В.Маяковский сто лет назад. Возможно, что тут коробит любителей силлабо-тоники применённый тонический стих. Но это уже дело вкуса.

е) Не Пушкин:

И слава Богу, что не писал, как Пушкин! То, что двести лет назад считалось нормой (например, беспричинная однородная рифма «может-тревожит»), сегодня считается признаком примитива. Гений Пушкина настолько велик, что мы не замечаем в его творчестве современных поэтических изысков. Но вздумай сегодня поэт копировать Пушкина (или Чехова, или Ломоносова), такого стихотворца просто засмеют, обвинив в графоманстве.

Неужели Бродского до сих пор нужно травить? Да, его использовали для борьбы с СССР. Да, это ему можно не прощать и за это его ругать. Кто-то сумел приспособиться (тот же В. Высоцкий), а кто-то — нет.

Но поэтом он всё-таки был хорошим.

Сергей Скурихин,
г. Киров

(2-е место в конкурсе «Всполохи-6, ном. «Проза», кат. «Старше 40 лет»)

Мама, я мыл полы в ракете!

Рассказ

Ночью рядовому Синицыну приснился кошмар, как будто ему, срочнику-первогодку, их не хватало наяву. Уже прошло полгода, как он служил на Байконуре, на одной из дальних его площадок. А рядом, на соседней площадке, в небо целился стартовый комплекс, который войсковой части нашего солдатика полагалось обслуживать и охранять.

Первые полгода были для Синицына серыми и длинными, словно полы солдатской шинели. Но сейчас в его армейские будни стали добавляться и цвета иные — это весна пришла в бескрайнюю казахстанскую степь. Сошёл тонкий смёрзшийся снег, обнажился красноватый песок, который быстро покрыла редкая «зелёнка». К маю же стало жарко так, как случалось лишь редким летом дома, откуда прибыл Синицын.

Но жара теперь растекалась не только в воздухе, горячо было и по службе. В военном городке всё чаще встречались гражданские, а офицеры по делу и без дела стали гонять своих солдат. Основные подразделения были приказом переведены на усиленный режим несения службы, и все в части — от полковника до последнего новобранца — знали, что готовится запуск ракеты!

Наверное, это обстоятельство и определило содержание синицынского сна, пребывая в котором тот метался по спрессованной годами подушке. Надо сказать, что на гражданке космические сюжеты, будь то в книгах или в фильмах, Синицыну нравились, но сейчас он бы с большей охотой посмотрел видеоанонс какого-нибудь фривольного журнальчика.

А снилось нашему рядовому, что стоит он на самом краю замкнутой кольцеобразной платформы. Под ним, внизу, в центре открывающейся панорамы, раскинулся бугристый мрак — этакий пульсирующий «комок» из чёрных дыр, в котором каждая пыталась разорвать и поглотить другую, и из этого тёмного вневременного НИЧТО протуберанцами выходили то ли галактики, то ли целые вселенные. Они закручивались вихрем, ускоряясь, и Синицыну казалось, что он через стекло дверцы смотрит на работающую стиральную машину исполинских размеров, вот только бельё в её барабане состоит не из хлопка или бязи, а из космического вакуума и звёздного вещества!

Что это — Центр Всех Вселенных или Пуп Мироздания — у Синицына не было ни малейшего представления. Это кручение вокруг своей оси колоссальных объёмов материи и пространств находилось за гранью любого человеческого понимания. Но оно гипнотизировало. Оно заставляло испытывать крайние по накалу эмоции: на пике ужаса Синицын испытал безграничный восторг, а на пике восторга ощутил гибельный ужас! Он понял, что является атомом, винтиком, случайно вылетевшим из механизма этой чудовищной карусели, и ему во что бы то ни стало нужно вернуться обратно, нужно встать в строй на положенном и без веских на то оснований покинутом месте!

Страха у Синицына больше не было, точнее этот страх стал для него таким же желанным, как и для экстремала-адреналинщика! Рядовой выпустил одеяло из сжатых кистей и сделал во сне шаг вперёд. А потом он закричал, падая в пустоту морока!..

Проснулся Синицын под утро. Какое-то время лежал неподвижно, приходя в себя и прислушиваясь к храпку сослуживцев. Когда же окончательно понял, что это был всего лишь сон и что он не разбудил никого из старослужащих, расслабленно выдохнул. Так, уставившись в потолок, он и встретил команду дневального: «Подъём!»

***

Всеобщее возбуждение, охватившее часть перед близким уже стартом, привело к тому, что солдаты, в основном первогодки, все как один, принялись строчить письма домой. Офицеры на этот массовый эпистолярный приступ реагировали иронически: «Что, боец, пишешь маме, как полы в ракете мыл?» — частенько подкалывал кто-нибудь из отцов-командиров. Почему-то в офицерской среде эта шутка, адресованная солдатам, была очень популярна, видимо, они находили её остроумной. Но Синицын на подобное не обижался. Во-первых — не положено, а во-вторых — в последнее время его чувство юмора и само слегка притупилось, будто бы подзачерствело.

Он с трудом накропал полторы страницы, в которых не столько рассказал о себе и своей службе, сколько расспросил родных об их житье-бытье. Лишь в конце, в последней строчке перед подписью, коротко добавил: «Готовимся к пуску». Этот довесок придал письму солидности, несмотря на всё ещё по-детски размашистый почерк автора. Перечитав послание ещё раз, Синицын удовлетворённо кивнул, подавил желание нарисовать маленькую ракету после «к пуску» и сложил листок в уже надписанный конверт. И как только он это сделал, раздалась команда на построение — их опять выгоняли на очередную уборку территории…

Весь военный городок был вытянут вдоль одной улицы: с одной её стороны казармы и штабное здание, а с другой — пожарка, солдатская и офицерская столовые, клуб и медсанчасть. На этот раз синицынское отделение бросили на «наведение марафета» возле штаба. Старшина обозначил фронт работ, распределил солдат по зонам ответственности и увёл остатки подразделения на другой участок. Но не успел Синицын сделать и маха метлой, как прямо на него из здания штаба вышел носатый подполковник:

— Боец, МИК на сорок второй знаешь?

— Так точно, товарищ подполковник!

— Давай туда! Спросишь у дежурного, как найти Веселова. Передашь ему вот этот пакет. Выполняй!

— Есть!..

Кто же в части не знал про МИК — монтажно-испытательный корпус, который находился в полукилометре от военного городка? Это был огромный капитальный ангар высотой с десятиэтажный дом и площадью больше, чем футбольное поле. Ангар был сердцевиной всего комплекса, его, словно котлету в тесте, охватывал пристрой из технических и административных помещений.

Синицын пересёк автомобильную дорогу, разделявшую две площадки, и запылил по степи к громаде, которая отличалась от зданий его части и размерами, и новизной. Там он у солдата на вахте, такого же первогодка, справился про Веселова. Потом через небольшой холл со стендами на стенах вышел в неприметную боковую дверь. А далее, следуя загнутым коридорчиком, Синицын неожиданно «выпал» в огромное помещение, где, кажется, можно было спокойно проводить соревнования по футболу, да ещё и со зрителями! В этом супер-ангаре он в нерешительности замер, ошарашенно озираясь по сторонам.

В полу ангара параллельно друг другу лежали две железнодорожные ветки: ближняя была пуста, а на дальней стояла платформа с ракетой, зафиксированной ухватами держателей! Сама ракета как бы состояла из двух неравных частей: нижняя, заканчивающаяся воронками четырёх сопел, была длиннее, а верхняя, увенчанная конусом обтекателя, короче. Остриё ракеты, покрашенное красным, делало её похожей на гигантский карандаш с грифелем красного цвета, а по белому ракетному боку шли надписи и какие-то полоски.

Сам ангар, светлый и чистый, под потолком имел несколько кран-балок, стены же его были обрамлены ярусами, которые соединяло множество лестниц, а внизу у стен располагались узлы, агрегаты и механизмы непонятного Синицыну назначения. Потрясённый увиденным, он даже не сразу заметил, что к нему направляется мужчина средних лет в синей гражданской спецодежде. Лишь на расстоянии десятка шагов рядовой пришёл в себя:

— Здравия желаю. Вы Веселов?

— Да. Добрый день.

— Вам пакет из штаба.

— Ага, давайте. Спасибо…

В расположение части Синицын возвращался как будто в прошлый век. То, что он раньше видел только на почтовых марках, в журналах и по телевизору, стало реальностью, стало чем-то осязаемо близким. И пусть на нём был не скафандр, а камуфляжка и армейские ботинки, но именно сейчас он почувствовал, что впервые прикоснулся к Космосу!

***

День старта выдался ясным, солнечным. На время запуска всех военнослужащих (кроме дежурных смен и командного состава) эвакуировали в специальный бункер. Синицину повезло: его подразделение как раз заступило на дежурство, поэтому участь по лицезрению серой бетонной стены эвакуационного бункера его миновала. Правда, сейчас он терялся в догадках, чем бы они, дежурные, могли помочь, если бы что-то пошло не так. Но армия тем и хороша, что на раз снимает лишние вопросы всего одной единственной установкой: что прикажут, то и делай!

В общем, задолго до того, как на командном пункте прозвучало слово «ПУСК», Синицын и сослуживцы высыпали на самую дальнюю точку периметра, с которой стартовый комплекс был виден как на ладони. Они прекрасно знали, что нарушают правила безопасности, но кто бы их стал соблюдать, имея ТАКУЮ возможность? К счастью, понимал это и сопровождавший их офицер, ему тоже хотелось посмотреть.

До стартового комплекса было километров пять, но на ровной, как блюдце, степи он просматривался прекрасно. Ракета казалась Синицыну такой близкой, что протяни только руку. На этом импровизированном наблюдательном пункте собралась вся дежурная смена, включая дембелей, старослужащих и первогодков. Их глаза были прикованы к белому стволу ракеты. Вот-вот должно было произойти нечто неординарное, но ожидание, как и всегда, когда ждешь чего-то стоящего, затягивалось. Картинку со стартовым комплексом будто поставили на стоп-кадр. В голове у Синицына щёлкал свой обратный отсчёт, который уже несколько раз сбивался и запускался заново. И, наконец, началось! В тишине, которая казалась звенящей, из-под днища ракеты показался клуб пыли. Этот пылевой хвост вылез широким раструбом и, смешавшись с дымом и газами, быстро заволок нижнюю и среднюю часть ракеты, а через пару секунд сквозь завесу пробилось пламя. До Синицына долетел чудовищный рёв. Кто-то из солдат даже присел от страха. Неудивительно, ведь это вырывалась наружу мощь в тридцать миллионов лошадиных сил — таких табунов местные степи не видели за всю свою кочевую историю ни с Чингисханом, ни без него!

Воздух вокруг задрожал, словно состоял из какой-то желеобразной субстанции. Синицын задрожал тоже. Всеми органами чувств он впитывал этот стартовый рёв, это колебание воздуха, эту ярость пламени, прорывающегося сквозь клубы дыма! И для него это было как рождение — рождение то ли Бога, то ли дьявола, то ли чего-то нового в мире и в нём самом!

Тем временем ракета оторвалась и медленно, тяжело, пошла вверх, а пламя под ней стало вертикально вытягиваться. В какой-то момент она на полсекунды как бы замерла в одной точке, но это была лишь временная иллюзия, после которой разгон стал уже неотвратим. Пламя превратилось в широкий сноп, и ракета свечкой ушла в небо под гул своих сопел!..

Когда люди пусть на миг, но становятся свидетелями чего-то неординарного, даже величественного, то всё мелкое, суетное и наносное в их жизни отходит на второй план. Так и в эти минуты среди сослуживцев Синицына не было ни дедовщины, ни Устава, ни каких-то иных условностей. Раскрыв рты, они синхронно провожали взглядами яркую точку, пока та не исчезла с небосвода, и это чувство сопричастности чему-то грандиозному было общим на всех. А когда затихли последние громовые раскаты, Синицын уже твёрдо знал, что этот день он не забудет никогда!

***

На земле уже улеглась пыль, а в небе растаял ракетный след, солдаты возвращались обратно в казарму. Они и сопровождающий их офицер шли молча, каждый по-своему переживал увиденное. Синицына же не отпускало чувство потери: он понимал, что вряд ли когда-нибудь увидит подобное снова. Но вместе с тем он ощущал и какую-то неоправданную гордость, гордость за то, что просто был рядом. Синицын тут же решил, что при первой свободной минуте напишет домой подробное письмо про этот запуск, но по пути до расположения все правильные и точные слова куда-то подевались, а в голове остался один только сумбур из эмоций. А ночью ему приснился ещё один космический сон:

В ослепительно белом, как предбанник рая, МИКе он стоял в строю из двух десятков парней, так же как и он облачённых в синие тренировочные костюмы. У ближней к ним стены располагался стол с выпуклой красной кнопкой посередине. За столом сидели двое: подполковник, очень похожий на того носатого из штаба части, и Веселов. А по центру МИКа в ожидании следующего смельчака замерла здоровенная центрифуга, от которой неровным шагом возвращался в строй белый как мел паренёк, — было понятно, что тот не прошёл испытание. Тут под сводами корпуса дикторским голосом громыхнуло: «Курсант Синицын!»

Синицын вздрогнул от неожиданности, но не от страха, — что ему этот «парковый аттракцион», после того как его повертело в самом Центре Мироздания!? Он вышел из строя и направился к центрифуге. Проходя мимо стола с кнопкой, Синицын бросил короткий взгляд на Веселова. Тот его узнал и подмигнул, чтобы поддержать.

Сколько прошло времени, перед тем как на внутреннем экране капсулы зажглась надпись «Выход», Синицын не знал, но чувствовал он себя превосходно. Легко выбравшись наружу, он уверенной походкой подошёл к столу и отрапортовал. Веселов снова ему подмигнул, а носатый подполковник встал и, скрепив памятный момент рукопожатием, торжественно произнёс: «Товарищ курсант, Вы зачислены в отряд космонавтов! Поздравляю!»

И вот уже Синицын поднимается по трапу ракеты. К скафандру он всё ещё не привык, потому двигается неуклюже, словно сквозь вату, — это передавалось даже во сне. Где-то на середине подъёма он медленно обернулся и посмотрел на степь за стартовым комплексом. Там, всего в нескольких километрах, стояли сейчас солдаты из его уже бывшей дежурной смены, и все ждали запуска, не отрывая глаз от белого ракетного ствола. Зная, что они не смогут его разглядеть, Синицын всё же поднял руку в приветствии, подержал её пару секунд, а потом продолжил путь...

А дальше, уже в тесной кабине, были только вибрация и гул, гул и вибрация. Синицын одновременно ощутил себя и кем-то из богов, и песчинкой, которой играют боги! Те несколько минут подъёма в космос показались ему нескончаемо длинными. Но прошли и они, прошли в тот самый момент, когда на организм Синицына будто подействовала супер-таблетка, даровавшая необычайную лёгкость. Он связался с Центром управления полётами, исполнил штатные процедуры, а потом, отстегнув страховочные ремни, выплыл в отсек.

Там царил страшный беспорядок: магнитные шахматы, тюбики с космической едой, какие-то короткие шланги и инструменты — всё это добро хаотично дрейфовало в пространстве жилого модуля. Синицын неодобрительно осмотрелся, чтобы оценить масштабы приборки. Он хотел даже выйти на внеплановый сеанс связи с Землёй и пожаловаться на предыдущий экипаж, но передумал, решив, что это будет не по-товарищески.

Тут же в этой «солянке» плавал и бортовой журнал. Аккуратно отстраняя прочие предметы, Синицын дотянулся до него. Он попытался его открыть и пролистать, но в перчатках было совсем несподручно. Тогда он их снял, раскрыл журнал на нужной странице и карандашом, прикреплённым верёвочкой к корешку, размашисто написал: «План мероприятий». Потом Синицын задумался и, забыв про шлем на голове, едва не почесал карандашом затылок. Спохватившись, он перелистал несколько страниц назад и посмотрел имеющиеся записи. Затем вернулся обратно, отступил строчку и добавил: «Шестнадцать пятнадцать по Москве. Пункт первый — прибраться и вымыть полы в ракете».

Новые стихи

«..И мандарины всегда под ёлкой»

Наталья Еженкова

Здравствуй, родной!

Здравствуй, родной!
Расскажу про шашлык под дождём.
Тёплые капли срывались,
на углях танцуя.
Не замечая их, бегали мы за мячом…
Этот пикник я тебе, так и быть, нарисую.

Здравствуй, родной мой!
А знаешь, мы ели арбуз:
Сладкий, сочащийся липкою влагою
алой…
Я привезу тебе пару кусочков, пожалуй,
Если в письме не смогу передать
сочный вкус.

Здравствуй, родной…
А вчера мы купались в Цимле.
Волны зелёные, точно пятнистое хаки,
В меру холодные, словно бокал
«Божоле».
Берег песчаный хранит их тягучие
знаки…

Здравствуй, родной.
Я нажарила вдоволь котлет,
Передаю тебе с пачкой томатного сока.
Что-то сегодня так парит.
И в небе высоком
Нового дождика новый колышется
след…

Здравствуй, родной!

Маргарита Григорьева

Из детства

Было здорово свечи жечь
Вечерами в детстве далёком.
Пахло снегом, топилась печь,
А в окне – луна жёлтым оком.

Завораживал блеск огня,
Словно всполох жар-птицы алый.
Уводил сквозь тени меня
В мир таинственный, небывалый…

За спиной – лет прожитых путь.
Больше нет чудес по-соседству.
До чего же хочу вернуть
Эту светлую сказку – детство.

Если в жизни что-то не так,
Как тогда свечу зажигаю.
Разгоняя на сердце мрак,
Я смотрю, как тени играют.

Полудрёма коснётся век.
Повлажнеют от слёз ресницы.
От печалей всех оберег
Над свечою взметнётся жар-птица.

Елизавета Гончарова

***

глаза закрою и вижу ясно:
мне снова восемь. и жизнь прекрасна.
глаза закрою – мне снова восемь.
там ярче лето, там ярче осень.

я вижу речку, закат, ворота.
и зелень свежую в огороде.
там ряд за рядом – на книжных полках.
и мандарины всегда под елкой.

я вижу дворик и дом, ступени.
от винограда большие тени.
в загоне низком с утра галдят –
бабуля снова взяла утят.

я вижу в белой фуражке деда,
в почтовом ящике – две газеты.
хозяев кличут там у калитки.
в серванте сложены все открытки.

я слышу запах костра за домом,
асфальта – после дождя и грома.
там лай протяжный соседских псов…
сараи на ночь все – на засов.

глаза закрою. мне снова восемь.
там вдоль тропинки сверкают росы.
шкворчит картофель в сковороде.
там снова рядом и Ба, и Де.

глаза открою – и мне за двадцать.
и много разных суббот и пятниц.
и много разных и зим, и вёсен.
но не таких же, как были в восемь.

и сентябри́т сейчас, Ба, иначе.
четвертый правнук – и третий мальчик.
и не такой аромат у книжек.
ты знаешь, Де, я набила шишек.

глаза закрою – вы снова в зале.
и мы большими еще не стали.
и впереди ещё – столько лет.
– приедем завтра. да-да, в обед.

Михаил Кострикин

Ветер прошлого

Ветер прошёл... Опрокинул окно,
Бросил озноб и наст...
Прошлое... Выхватило оно
Тень суеты из нас.

Мне бы вина... Нет, не кубок – грааль,
Да обратится в кровь!
Там, за стенами – лютый февраль
Просит: мол, дверь открой!

Залиты в хлам оба глаза в ночи –
В чистый подушки пух.
То не метель за окном кричит –
Сердце рыдает вслух!..

Резко замолкло. В заснеженный двор
Грянул полночный свет...
И пробирается ветер-вор,
Жизни сгибая ветвь...

Что-то слепое упало на дно
Тысячи чудских Нев...
Ветер прошёл, распахнув окно,
Стёклами зазвенев...

Пётр Никитин

Странности

И просьбам, и желаньям вопреки
стирает время в памяти былое.
И высыхают жизни родники,
а я жду стойко что-то основное.
Своих ролей не сыгранных полно,
бывает всё ж чужую роль играю.
Уверен: мне судьбою не дано
пройти дороги, что я выбираю.
Живу надеждой странной много лет:
побыть хоть раз когда-нибудь в Париже
и каждый год – на море. Да иль нет, –
увы, не я решаю – «кто-то свыше».
И странно, что моя порою явь
стремится, безусловно, к ложной цели:
мгновенья повторить, что, отсияв,
полузабыты или потускнели.

Ирина Дьяченко

Осенние размышления

А мне не жаль увядшей красоты.
Душа чиста, светла, открыта ветру.
И это как паденье с высоты,
Когда опора крыльев незаметна.
Вдруг видишь все сплетения дорог,
Все перекрёстки, где свернул в тупик,
И осени невидимый флагшток
Уж поднят и тебе его нести.
И не бояться гулкой пустоты
Свернувшегося неба в серый купол.
Почувствовать, что я уже на «ты»
С героем «Зеркало».
Как в детстве, близоруко,
Досадливых не видеть мелочей
(Морщины в уголках любимых глаз)
И согревать, когда гудит борей,
Теплом любви, спасая снова нас.

Анатолий Рощупкин

Ночь на лестничной площадке

Рассказ

Платон вышел от соседей на лестничную площадку и пошёл домой, в свою квартиру этажом ниже. В голове у него стоял шум весёлого застолья, женский смех и разудалые песни подвыпивших приятелей.

На лестнице было абсолютно темно. «Вот черт, опять лампочка лопнула!» — успел чертыхнуться Платон и тут же чуть не наступил на что-то шевелящееся...

— Кто здесь? — невольно вырвалось у него.

Молчание. Лишь было слышно, как внизу подвывал морозный ветер, заметая снег в приоткрытый подъезд дома.

— Я полежу тут немного, — вдруг послышался из темноты спокойный женский голос. — Я сейчас... Отогреюсь и уйду. Вы не волнуйтесь...

Платон машинально, все ещё толком не сообразив, что это за женщина и зачем она здесь, перешагнул через неё и открыл ключом тяжёлую металлическую дверь своей квартиры. Вошёл и невольно присел на дощатую полку для обуви.

Дверь захлопнулась. За ней было тихо, лишь холодный ветер продолжал выводить свою заунывную мелодию на лестничных пролётах, там, где лежала сейчас незнакомая женщина.

Платон вспомнил, как жена, которая осталась за праздничным столом, нередко предупреждала его: «Знай, кому открывать дверь. От бомжей проходу нету... Ещё унесут чего-нибудь...»

И всё-таки, почему она там лежит? Платон вспомнил размеренный усталый голос женщины и предположил, что она долго шла или бежала на встречу с кем-то... А может, она не местная, заблудилась и теперь отдыхала посреди огромного зимнего города. А может, она больна и ей надо помочь?

Все эти вопросы заставили Платона встать с уютной скамьи и открыть дверь. Яркий коридорный свет выхватил из темноты лестничную площадку и бетонную лестницу, где уже никого не было.

Платон сбежал на первый этаж, открыл дверь подъезда и выглянул на улицу. Никого. Лишь порыв рассерженного ветра бросил ему в лицо пригоршню колкого снега.

Женщина ушла в морозную ночь. Может быть, она испугалась, что Платон позвонит в милицию, или пошла искать другое, более удобное место для ночлега...

Платон тяжело поднимался на свою лестничную площадку и думал о том, что ещё несколько лет назад по этой самой лестнице бегали их шумные дети, ходили и они с женой и соседями — молодые и уверенные, полные сил и надежд. Теперь дети выросли и разъехались, постарели Платон и его жена.

Нет уже того света, нет былой радости.

«Господи, что это? Почему мы так живём? Разве можно так жить?» — думал Платон.

В тёмной промозглой тишине никто не мог ему ответить.

Лишь голоса наверху тянули «По Дону гуляет...»

Певцы фальшивили...

Зоя Самарская

Пряники

— Бабушка, сегодня пряники пахнут праздником, — заявила моя двоюродная сестра Лера, откусывая край ещё тёплого пряника. — И как хорошо, что они такие разные: сердечки, снеговички, звёздочки!

— Праздником пахнут? Это потому, что мы в тесто корицу добавили. — А чтобы пряники были разные, мы с тобой заранее специальные формочки купили. Вот и получилась у нас такая красота.

Сработал таймер. Бабушка надела толстую рукавицу, открыла духовку и достала противень с пряниками.

— Ой, какие смешные прянички!

Взглянув на меня, бабушка Леркиного веселья не поддержала. Протерев запотевшие от горячего воздуха очки, взялась за лопатку, чтобы переложить пряники на салфетку.

— У тебя, Лера, сердечки, звёздочки, снеговички, а у Валеры... уточки.

У Валеры, то есть, у меня — уточки? Я даже комментировать не стал. Потом увидят, какие это уточки!

— Ладно, Валерочка, намажем кремом, и тоже будут красивые!

Это Лерка меня приободрить решила! Меня — старшего брата! Сама толком ни читать, ни считать не умеет, а туда же — уточки!

— Дайте сюда мои пряники. Не надо их кремом мазать!

Сложив горячие пряники в коробку из-под конфет, я ушёл в другую комнату, где уже стояла наряженная ёлка. Пока пряники остывали, поиграл лазерным фонариком с котом Васькой.

Распушив хвост, кот бегал за светящейся красной точкой и никак не мог понять, почему она не даётся ему в лапы. Такая игра ему быстро наскучила, и он стал подкрадываться к ёлке, собираясь прыгнуть на неё и повалить, как утром, когда мы вешали игрушки. Поэтому бабушка предупредила, что если мы хотим встретить Новый год весело, этого «телёнка» — кота Ваську — к ёлке не подпускать.

Лерка тут же спела:

— Телёнок, телёнок — это наш котёнок.

Летом он был ещё маленьким котёнком, а теперь и взаправду превратился ну если не в телёнка, то... Короче, Васька был не кот, а котище — длинные усищи.

Конечно, мне хотелось встретить Новый год весело — дома, с мамой, папой. Загадать желание во время боя курантов, а потом угощаться всякими вкусностями. Но мои и Леркины родители уехали отмечать праздник на берегу Чёрного моря. Нас отвезли к бабушке в деревню. По бабушке я соскучился, по Лерке — не успел. Надеялся, что друг Петька тоже к своей бабушке приедет, но... нет, не приехал.

— Что заскучали, мои хорошие? Пора стол накрывать!

Мой папа обычно говорит, что не мужское это дело, и Леркин папа согласно кивает головой. Они обычно играют в шахматы и обещают помочь, когда закончат партию. Мамы их не трогают. А мне поддержки ждать неоткуда. Поднявшись с дивана, я прихватил кота, унёс его в спальню и там закрыл.

— Правильно, Валерочка, а то он снова на ёлку прыгнет!

Вообще-то я Ваську изолировал, чтобы он мои пряники не погрыз.

Втроём мы быстро принесли из кухни посуду, салаты, компот. На самую середину Лерка поставила вазу со своими пряниками.

— А где твои? Доставай, Валерочка, ничего, что они некрасивые!

Я даже не посмотрел в её сторону. «Важен результат», — как любит говорить мама. Чтобы появился этот самый результат, я взял коробку и направился в спальню, там достал из коробки пряники и стал вешать их на ёлку. Лерка радостно захлопала в ладоши.

— Бабушка, посмотри, Валерочка к бубликам и уточкам ленточки привязал! И так красиво стало!

— Ах, моя Валерьяночка! Погоди, это же не бублики и не уточки! — бабушка по привычке протёрла стёкла очков. — Это же цифры! Смотри, что получается! 2021 ГОД!

Я загордился собой. Теперь, когда был виден результат, оставалось сделать селфи.

— Конечно, — поддержала бабушка мою идею, — давайте сфотографируемся все вместе и родителям отошлём.

— Все вместе, все вместе, — запела Лерка и побежала за котом, — и мамам-папам отошлём!

Сфоткались... Посидели за столом... Посмотрели телевизор... Скука!

Бабушка взглянула на часы и сказала, что до двенадцати ночи остался один час.

— Я отдохну немного, а вы задумайте желания.

— Желания! Желания! — Лерка подскочила и радостно запрыгала возле ёлки. Потом вдруг ойкнула и обернулась, посмотрев на меня.

Я только махнул рукой: веселись! Прилёг на диван и стал придумывать желание.

Велосипед всё равно не купят: мама против — боится, что по проезжей части буду ездить. Компьютер — есть. Правда, один на всех, но загадывать бесполезно — дорогое желание. Одежды всякой полно. Загадаю для прикола закончить учебный год на одни пятёрки. С моей-то тройкой по русскому? Если в классе расскажу — обхохочутся. Я улыбнулся, представив лица одноклассников. Нет, так нельзя. Нужно, чтобы все обзавидовались!

Достав наушники, я распутал провод и соединил их с телефоном, подумав, что неплохо было бы получить в подарок новенький смартфон. Летом не получилось, может, в Новом году повезёт?

— В новом году астрологи обещают, — зазвучал в наушниках мелодичный голос, — что всем Землянам обязательно повезёт...

Неожиданно возле нашей ёлки я увидел девушку в голубом костюме...

— Ребята, обратите внимание на празднично накрытый стол. На вазу с пряниками. Мы сохранили аромат пряников, чтобы все выглядело именно так, как было в те далёкие годы.

«В какие — те? В какие — далёкие?»

— Как мило! Ребята, в музее появился новый экспонат. Он одет так же, как одевались мальчики почти двести лет назад, а, если точнее, сто девяносто.

— Я, вообще-то, Валерка!

— Говорящий экспонат назвали именем мальчика, которого вы видите на этих фотографиях рядом с хозяйкой дома.

Я посмотрел в ту сторону, куда протянулся световой луч от указки девушки, проводившей экскурсию по бабушкиному дому, и увидел фотографии на стене. Среди них — наше новогоднее селфи! Вот бабушка, вот Лерка с котом Васькой, вот я!

— Пушистое животное на руках у девочки — кот. Сейчас требуется особое разрешение, чтобы заводить домашних питомцев, а раньше это могли сделать в любом доме, как, например, в этом. Как я уже говорила, этот красивый дом выбрали, чтобы создать в нём музей.

Я больше не вмешивался. Сидел на диване и слушал рассказ девушки-экскурсовода о нашей «прошлой» жизни. Особенно мне понравилось, когда она сказала, что и дети, и взрослые под Новый год загадывали желания и эти желания исполнялись.

— Вот ты, Валера, — неожиданно обратилась ко мне девушка, — загадывал желание? Что ты хотел получить в подарок?

Я же — говорящий экспонат! А что, подыграю!

— Смартфон! Последней модели!

... — Бабушка, бабушка! — в самый неподходящий момент раздался Леркин смех. — Валерочка во сне желание загадывает!

— Погоди-ка, внученька, нужно кое-что исправить!

Полностью проснувшись, я увидел — бабушка меняет цифры-пряники местами и вспомнил, как Лерка ойкнула, задев ёлку!

— Ну вот, теперь — полный порядок и наступит у нас 2021 год, а не 2210!

И пора всем получить подарки!

Как оказались под ёлкой коробки, упакованные в разноцветную фольгу? Наверное, бабушка незаметно положила! Лерка запрыгала от восторга, получив новую куклу.

Будь я первоклассником, тоже запрыгал бы с новеньким смартфоном в руках! Хотя кто меня видит, кроме сестры и бабушки? Разве что кот Васька?

И я присоединился к Леркиному веселью.

Знакомство с автором

Георгий Абакумов

Встреча с Шолоховым

Автором этого воспоминания является житель ст. Мигулинской Кузнецов Николай Павлович (царствие ему небесное).

Случилось это в 1960 году. Было время осенней охоты на перелётную птицу. Николаю исполнилось 18 лет, и он получил долгожданный охотничий билет.

Как-то вечером, снарядив патроны и собрав рюкзак, Николай отправился на охоту на утку. Переправившись через Дон, заночевал на берегу озера Большая Клешня. А рано утром, загрузив в каюк вещи, молодой охотник выплыл на середину озера, заякорился и решил позавтракать. Харчи были немудренные: хлеб, картошка в мундире, яйца, молоко в бутылке с кукурузным початком вместо пробки. Подкрепившись, повеселел.

Над водой клубился белый туман. Где-то рядом послышался всплеск весел. Зная правила охоты, Николай окликнул, что место занято. Но лодка направилась к нему и пришвартовалась к борту каюка.

— Чьих будете? — весело спросил мужчина, сидевший на корме с ружьём.

Кузнецов с гордостью вытащил новенький билет и передал непрошенному гостю, подумав, что это егерь. Место было пограничное с Вёшенским районом и охотника мог проверить кто угодно.

Уже буланело[75] и проверяющий без подсветки, изучил документы. Довольный, что бумаги вернули без замечаний, Николай смело спросил:

— А вы кто такие?

Мужчина с нагрудного кармана вынул удостоверение и передал любопытному юнцу. Когда тот раскрыл его, то обомлел. В удостоверении было написано, что это депутат Верховного Совета СССР Шолохов М.А.

— Шолохов? — недоверчиво спросил охотник. — Тот самый, который «Тихий Дон» написал?

Михаил Александрович улыбнулся:

— Да, тот, самый.

И начал расспрашивать Николая: где живёт, какая семья, кто его дед, как дела идут в колхозе.

Простояли две лодки рядом несколько часов. Утка шла хорошо. Николай сбил с пяток, а Шолохов даже ружья не поднял. Только задавал вопросы и курил.

Расставались охотники, как давние друзья. Шолохов на прощанье подал молодому казаку руку, не погребовал[76].

Но больше в жизни им встретиться не довелось.

[75] *Буланело — рассветало.*

[76] *Не погребовал – не побрезговал.*

Юрий Шапошников

Косогор и Песковатка

Сказка

Лежит Косогор под солнцем и луною, под палящими лучами, и в суровой стужи. На его спине седыми бородавками возвышаются сторожевые курганы. Он, молчаливо любуется реченькой, что протекает перед ним, не устаёт слушать, как говорливо журчит его любимая Песковатка. А она извивается голубой лентой с зелёной окаёмкой, то прижмётся к Косогоровой щеке, то оттолкнётся, смешливо защебечет на перекате, а он и не огорчается, потому что знает её характер, всё равно далее прижмётся к другой щеке.

Зимой Косогор засыпает, и под пушистым белым одеялом снятся ему сны из разных эпох, что он видел на своём многотысячном веку. В тех снах пролетает его младенчество, ведь он помнит, как рождался и подрастал в утробе матери Моря. От наслоения меловых рачков становился всё выше и белее, а затем матушка покинула своего сына.

А сынок её не забывает, и каждое лето передаёт цветы, которые вырастают между Косогором и Песковаткой, а ещё яблоньки роняют свои зрелые плоды, и плывут те по реченьке до самого тёплого и ласкового моря. Мама волнуется и в горе, и в радости, но если узнаёт, что жгучие солнца лучи до глубоких морщин испепеляют спину Косогора, то она выручает сына. Лёгкой спасительной весточкой прилетает туча, и обветшалым мокрым подолом гладит обожжённую спину Косогора, заживляя мелкие трещинки, и он вновь наряжается в цветасто-зелёный кафтан.

Снятся ему и детство, и юность, когда он нарядился в могучий дубовый лес, под кронами гуляли олени, а в ветвях поселилось крикливое грачиное царство. Они прилетали к Косогору каждой весной, будили его и наперебой рассказывали им с Песковаткой, где были, что видели.

Затем пришли люди, с Косогоровой спины осмотрели округу, и так влюбились в эту неразлучную пару, что остались с ними навсегда.

Но всё уходит как всякий день и ночь. Изрезан временем Косогор, не стало дубового леса, и грачи поселились в другом царстве. Мощные трактора чешут плугами Косогорову спину, а ему всё нипочём, лишь влюблённо смотрит на свою постаревшую Песковатку. А её за камышом, терновником да вербами почти не видно, и мечтает он, что люди вернут ей былую красу и богатство, которым она раньше славилась. Но её он любит не за красоту, а за то, что она особенная.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА РОССИИ Донской писатель РОСТОВ-НА-ДОНУ

Газета писателей Ростовской области

Гл. редактор *Людмила Хлыстова*
Редакторы *В. Морж, О. Губарева, К. Павленко, В. Зименко*
Вёрстка *В. Анистратовой*
Фото из архива ДП
Номер подписан в печать 25.02.2022 г. Тираж 990 экз.

Адрес редакции: 344019, Ростов-на-Дону, пр. Шолохова, 1
т. 8-918-599-67-51; 8-989-535-21-19;
donpisatel@yandex.ru; lyudmila-hlystova@mail.ru

Общественная редакционная коллегия:

К. Баштовая, А. Береговой, В. Воронов, А. Глазунов, В. Зименко, О. Лозбенева, Л. Малюкова, К. Павленко, А. Попова, Г. Студеникина, Д. Ханин, Л. Хлыстова — члены СП России

Номера газеты «Донской писатель», журнала «ДОН_новый» и Донского литературного альманаха можно прочитать на сайтах: www.donpisatel.ru

За достоверность предоставляемой информации несёт ответственность автор.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с некоторыми утверждениями в публикациях.

Рукописи принимаются только при использовании буквы «Ё», в прозе — длинных тире, в поэзии – коротких, кавычки должны быть такого образца «-».

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области.